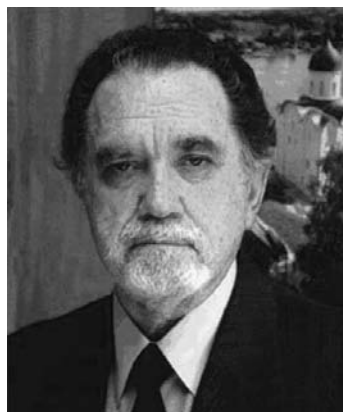

БОИ ЗА ИСТОРИЮ

ИГОРЬ ФРОЯНОВ

«ХВАСТАТЬСЯ В ОБЩЕМ-ТО НЕЧЕМ...»

— Игорь Яковлевич, как бы вы оценили состояние современной русской исторической науки? Чего в ней больше — обретений или потерь? На работы каких современных историков вы бы обратили особое внимание?

— Современная историческая наука ныне находится в состоянии некоторой растерянности и замешательства. Произошло крушение советской исторической науки, которая опиралась на марксистские фундаментальные основы теории исторического процесса. Сейчас идет поиск новых фундаментальных основ познания истории. Утверждать, что этот поиск завершился, мы не можем. Поэтому я бы сказал так: современная историческая наука переживает время поиска, и в лучшем случае она вошла в начальный период своего становления. Многие в ней напоминают то, что было на протяжении 20-х — начала 30-х годов прошлого века, когда происходило формирование советской исторической науки. Отличительной особенностью указанного времени и дня нынешнего является интенсивная публикация источников, не попавших до толе в поле зрения специалистов. В этом расширении круга источников, вводимых в научный оборот, нельзя не видеть положительной работы, проделанной современными историками. Есть, конечно, и негативные моменты. К ним относятся попытки огульного отрицания достижений советской исторической науки, стремление подвергнуть ревизии труды советских историков, больше того — окарикатурить и оболгать историю русского народа, особенно советскую эпоху. Вы, наверное, помните, что поход против русской истории начался с благих якобы намерений ликвидации в ней так называемых белых пятен, а закончился постыдным ее очернительством. В результате русский народ был

Игорь Яковлевич Фроянов родился в 1936 году. Доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Автор книг «Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории» (1974), «Киевская Русь. Очерки социально-политической истории» (1980), «Рабство и данничество у восточных славян» (1996), «Погружение в бездну. Россия на исходе XX века» (1999), «Драма русской истории. На пути к Опричнине» (2007) и др.

представлен ленивым, безынициативным, пребывавшим в оцепенении и парадигме тысячелетнего рабства. Плохую службу сослужил, на мой взгляд, и то ропливый, прямо-таки пугливый отказ от марксистской теории истории. Здесь наши историки явно переусердствовали. Во всяком случае, распространяемые в их сообществе слухи о научной несостоятельности марксизма оказались во многом преувеличенными и преждевременными. Об этом свидетельствует переживаемый сейчас мировым хозяйством финансово-экономический кризис, в условиях которого заметно возрос спрос на марксистскую литературу, а книга К.Маркса «Капитал» стала, как говорят, довольно читаемой на Западе, в частности в Германии. Мне кажется, что разработка современных теоретических основ исторической науки должна сочетать новейшую цивилизационную теорию с марксистским учением о формациях, что позволит, надеюсь, исследователям установить, с одной стороны, специфику, своеобразие исторической жизни народов планеты, принадлежащих к разным цивилизациям, а также выявить у них нечто общее, лежащее в плоскости формационного, то есть стадияльного развития — с другой. Что касается вашего последнего вопроса, замечу: коль мы с вами констатировали, что сейчас российская историческая наука находится в стадии становления, то работы отдельных историков я бы воздержался как-то особо выделять. А по правде сказать, хвастаться в общем-то нечем. До сих пор не превзойдены (и вряд ли будут скоро превзойдены) исследования советских историков Б.Д. Грекова, С.В. Юшкова, С.В. Бахрушина, В.В. Мавродина, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, Б.А. Рыбакова, С.Б. Веселовского, И.И. Смирнова, Б.А. Романова, А.А. Зимина, Н.Е. Носова, М.В. Нечкиной, Н.М. Дружинина и других выдающихся ученых.

— *В чем, с вашей точки зрения, состоит социально-культурное своеобразие русской истории на разных ее этапах?*

— Необходимо прежде всего установить этапы или периоды отечественной истории, о которых вы говорите. Я бы наметил несколько периодов в историческом развитии России: 1) Древнерусский период, или Киевская Русь; 2) Московский период, или Московская Русь; 3) Петербургский период, или эпоха Императорской России. Затем следует четвертый период — советской истории, а за ним начинается новый, пятый период, характеризовать который в каких-то определениях рано потому, что все находится в состоянии становления, осложняемого нередко хаосом. Нельзя сказать, что все упомянутые периоды представляют собой нечто замкнутое, самостоятельное, независимое друг от друга. То, что было в истории Киевской Руси, во всяком случае, многое из того, что было в этот период, оказалось востребовано в Московский период, и то, что сложилось в Московский период, перешло в Петербургский Императорский период. Я также не думаю, что можно отрывать советский период от предшествующей истории России и видеть в нем что-то совершенно новое, никак не связанное с тем, что переживала Россия на протяжении предшествующего времени. Наоборот, традиции соборности, коллективизма, общинности, преобладание общественного интереса над частным, готовность «положить душу свою за други своя», отдать жизнь за Родину — все это, воспитанное в русском народе веками, органически вошло в жизнь советского общества.

— *Какое значение имеет для русской истории отсутствие в Киевской Руси феодализма (на чем вы настаиваете в своих работах)?*

— Отсутствие феодализма в Древней Руси имеет прежде всего то значение, что общинная организация как в сфере социально-экономической, так и в сфере политической (что особенно важно) оказалась не разрушенной. Общинное начало в древнерусский период нашей истории, или в эпоху Киевской Руси, окрепло и конституировалось в своеобразную систему социальных (доклассовое общество) и политических (республиканские институты) отношений, в основе

которых лежала непосредственная демократия, являющаяся наиболее эффективной формой демократии, сравнительно, скажем с представительной демократией. Общинно-вечевая Древняя Русь стала судьбоносной школой демократии в истории России. Под знаком общинных форм жизни, общинных институтов следовало так или иначе дальнейшее развитие нашей страны вплоть до эпохи Советов.

— *Московская Русь, по вашему мнению, — это прямое продолжение Киевской?*

— Мне кажется, что это продолжение развития Киевской Руси, осложненное внешним вмешательством — татаро-монгольским нашествием. И этот внешний фактор сыграл чрезвычайно важную роль в дальнейшей нашей истории, внес немало своеобразных черт; но тем не менее отрывать Московскую Русь от Киевской Руси и говорить о том, что древнерусский период — это одно, а московский период — совсем другое, мы не имеем оснований.

— *А в чем выражалось влияние этого внешнего фактора в первую очередь, по вашему мнению?*

— Влияние внешнего фактора заключалось прежде всего в том, что были созданы такие условия — исторические, демографические, геополитические, военные, — которые способствовали возникновению новых явлений сравнительно с тем, что мы наблюдаем в древнерусский период. Можно говорить о том, что стал меняться социально-экономический уклад. Прежде всего — в сфере аграрных отношений. Если раньше земельная собственность в представлениях знати не имела особой ценности, то в послемонгольский период земля приобретает эту ценность, и мы наблюдаем интенсивное развитие крупного частного землевладения, параллельно которому шло формирование зависимого населения — феодально-зависимых крестьян. Именно в послемонгольский период возникает крестьянство как особый класс земледельцев-производителей, тогда как город постепенно отпадает от деревни, а городское население отделяется от сельского. Поэтому можно говорить о том, что татаро-монгольское нашествие создало такие условия, которые способствовали развитию феодализма в России со всеми последствиями в сфере социальной и политической.

— *То есть от города-государства совершается переход уже к иным формам политической организации?*

— Да, к иным формам политической организации, к иным формам власти. Меняется природа княжеской власти. Если раньше князь был как бы высшей исполнительной властью общинной организации, вечевого организации, то теперь в нем все явственнее и явственнее проявляются монархические тенденции и черты. Надо, впрочем, сказать, что князь в Древней Руси потенциально содержал в себе монархические качества и свойства. Необходимы были соответствующие исторические условия для того, чтобы эти качества и свойства проявились в полной силе. И вот татаро-монгольское нашествие создало эти условия, в которых потенциальные монархические свойства князя стали все более и более интенсивно проявляться.

— *Ваша недавняя книга посвящена Опричнине Ивана Грозного. Что нового она вносит в объяснение этого во многом загадочного исторического феномена?*

— Историки обычно объясняют возникновение Опричнины особенностями характера царя Ивана IV, человека будто бы неуравновешенного и даже психически не вполне благополучного. В исторической литературе существует целое направление, психологическое направление (Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.Б. Веселовский и др.), объясняющее поступки Ивана Грозного, в том числе и учреждение Опричнины, исключительно психологическими мотивами.

— Но ведь пытались историки и социально-экономические, и политические предпосылки ее найти?

— Конечно, пытались. Но эти предпосылки обычно искали и находили преимущественно в области социально-экономической и политической. Причем за исходный рубеж исторического движения к Опричнине ими, как правило, принимались годы, непосредственно ей предшествующие, а в некоторых случаях — начало 50-х годов XVI века. Я же связываю введение Опричнины с причинами *религиозно-политического, церковно-государственного порядка* и отношу зарождение этих причин к концу XV — началу XVI века. Именно тогда, по моему мнению, обозначились исторические предпосылки Опричнины. До середины XVI столетия они находились как бы в латентном состоянии и только в 60-е годы того же столетия вырвались наружу, породив столь грозное учреждение, каковым являлась Опричнина.

— А что это за предпосылки? Как-то кратко их можете охарактеризовать?

— Неуклонно нарастала угроза национальным основам бытия России. Угроза существованию только что возникшего Святорусского Царства. Эта угроза связывалась с ограничением самодержавной власти — то есть с ликвидацией, по существу, только что сформировавшегося самодержавия.

— То есть, по вашему мнению, уже можно говорить о существовании в России самодержавия для этого времени?

— Да, я думаю, что венчание Ивана IV на царство — это юридическое оформление самодержавия в России. И вот как раз самодержавию и угрожали его противники, сосредоточившиеся в Избранной Раде.

— Какие цели преследовали эти люди, по вашему мнению?

— Цели посягательства на русское самодержавие, ограничения самодержавной власти, создания в России политической системы, схожей с той, что имела место в соседней Польше.

— А может, это и хорошо было бы для России? Такая политическая система?

— В тех конкретных исторических условиях это было бы очень плохо, поскольку Русское государство, теснимое со всех сторон врагами, нуждалось в мобилизации сил, в сплочении и единении. А это могла обеспечить лишь самодержавная власть. Народная монархия — вот что скрывалось за термином *Самодержавство*. Следует также помнить, что «российское самодержавство» складывалось в тесном единстве и взаимодействии с Русской Православной Церковью. Мы наблюдаем, как говорится, симфонию самодержавной и церковной властей, их нерасторжимое единство. Поэтому, когда удары направлялись против самодержавия, то они били и по Церкви, а если они били по Церкви, то они били и по Православию. Все это было органически тесно взаимосвязано, поэтому ликвидация одного звена влекла за собой ликвидацию остальных звеньев, погружая Россию в состояние религиозно-политического хаоса.

— Кроме того, вы настаиваете на том, что для Московской Руси существовала серьезная угроза извне, то есть западные страны уже тогда воспринимали Россию как геополитического конкурента?

— Да, геополитического и религиозного, духовного конкурента. Это восприятие обострилось после падения Византийской империи, после взятия Константинополя турками в 1453 году. Казалось, что с Византией как оплотом православной веры покончено. В ниспровержении Византии в качестве опоры Православия были заинтересованы многие на Западе. Прежде всего — представители католического духовенства. Казалось, повторяю, с Православием и Православной державой покончено раз и навсегда. И тут, неожиданно, появилось мощ-

ное единое государство, которое заявило о том, что является восприемницей Византии и хранительницей православной веры. Вот это-то и вызвало изменение направления удара. С конца XV века начинается постоянное и систематическое, планомерное наступление на Россию. Именно тогда были выработаны вражескими силами приемы борьбы с Россией. Это, во-первых, идеологическая война в виде ереси; во-вторых, стремление освоить высшую власть: либо захватить ее, либо приблизиться к ней, чтобы можно было активно влиять на ее политику в удобном для этих сил смысле (позже это будет называться *обволакиванием власти*); в-третьих, создание опоры внутри страны — то, что сейчас называется «агентами влияния»; и, наконец, в-четвертых — если не срабатывали все перечисленные средства, — прямое вторжение с последующим расчленением единого государства. И уже в конце XVI века, как ясно из документов, была поставлена задача завоевания и расчленения России. В дальнейшем эта задача решалась на протяжении веков с неизменным постоянством и упорством, пока не была разрешена в конце XX столетия на наших, собственно, глазах.

— *Как вы оцениваете западнически-имперский период русской истории (XVIII — начало XX века)? Какие достижения и противоречия в нем видите?*

— Мне кажется, имперский период проводит важную грань между старой Русью, Святой Русью и новой Россией. Распался прежний равноправный союз государства с Церковью, вместо симфонии светской и духовной властей слышится какофония, так сказать, «сумбур вместо музыки». Тяжесть вины тут ложится в первую очередь на Петра I, упразднившего институт патриаршества, полностью подчинившего Церковь государству, превратив ее по существу в государственный орган, часть государственного механизма. Менялась не только Церковь, но и Самодержавство. С этого момента русское самодержавие начинает постепенно эволюционировать, судя по всему, в абсолютизм западного типа со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, в частности, потерей служебной роли и ответственности перед Богом и людьми. Власть царя становится менее сакральной и более светской, хотя и не до конца секуляризованной. Божественная суть царской власти в России еще сохраняется, сосредотачиваясь главным образом в акте таинства миропомазания и личных переживаний самодержца. Самодержавный трон, опущенный с небес на землю, становится предметом политической игры, домогательств и притязаний, причем нередко со стороны тех, кто лишь по воле случая оказался поблизости от него. Внешним выражением этих перемен были дворцовые перевороты, которыми так богат XVIII век. Но самая главная перемена заключалась в превращении народной монархии в монархию дворянскую. Именно в петровское время закладывается основное противоречие между массой населения и социальной верхушкой, которую всячески поддерживала и оберегала высшая власть, между своекорыстным дворянством и задавленным крепостным правом крестьянством. Это противоречие со временем все более обострялось, пока, в конце концов, не привело к революционным потрясениям начала XX столетия. Россия все более и более отходила от своих национальных традиций, хоронила, по существу, свое прошлое на пути сближения с Западом, подражания Западу, что с особой наглядностью демонстрировали реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, во многом способствующие и даже отчасти предопределившие Февральский переворот и Октябрьскую революцию.

— *В чем вы видите причины распада СССР?*

— Были причины как внутренние, так и внешние. Начну с первых. Та мобилизационная экономическая, социальная и политическая система, которую создал И.В. Сталин и которая являлась абсолютно необходимой ступенью в развитии советского государства, исчерпала свой исторический ресурс где-то к середине — исходу 50-х годов XX века. И вот тогда, по моему убеждению, надо

было начинать реформирование страны. Сталин понимал потребность подобного реформирования и кое-что предпринимал в этой области, выдвигая на первый план органы государственного управления и советской власти за счет сужения власти КПСС. Не случайно он выражал желание покинуть пост главы партии, оставив за собой должность Председателя Совета министров СССР. Смерть помешала ему осуществить задуманные преобразования. Но уход Сталина из жизни еще более обострил необходимость реформирования советского общества. Оно должно было осуществляться на путях сближения трудовых масс с собственностью и властью. Партийное руководство не ответило на вызов времени. Партийная, советская и хозяйственная номенклатура продолжала править страной, расширяя свои права и сокращая обязанности, то есть становилась привилегированным сословием, если не классом. Сталин понимал все исходящие от нее угрозы: поставленная близко к собственности и обладающая огромной властью, она внутренне была предрасположена к тому, чтобы освоить и собственность. Поэтому Сталин предпринимал целый ряд мер, сдерживающих ее аппетиты, в том числе и репрессивные меры, производя своеобразную селекцию номенклатурных кадров. Однако некуда было деваться: номенклатуру приходилось до поры до времени терпеть и даже подкармливать. На стадии мобилизационного общества номенклатурная «популяция» являлась исторически необходимым социально-политическим элементом, поскольку без нее это общество невозможно было ни создать, ни запустить в работу. Само же мобилизационное общество, позволившее осуществить модернизацию страны в предельно короткий срок, обеспечило, таким образом, внешнюю безопасность СССР (России). Не будь его, русский народ проиграл бы войну с германским фашизмом — самую тяжелую и кровопролитную войну в истории человечества. С изобретением ракетно-ядерного оружия, гарантировавшего внешнюю безопасность нашей страны, отпала потребность в мобилизационном обществе и тесно связанной с ним номенклатуре. Каким путем пошло дальнейшее развитие советского общества? Были сделаны некоторые послабления в экономической, социальной и политической областях. Но они оказались неэффективными: народ расходился с властью, все более отдалялся от нее, что в конечном счете обернулось равнодушием к судьбам советского строя. Что касается номенклатуры, ее позиции остались незыблемыми. Они даже усилились вследствие безнаказанности действий номенклатурных чиновников, внедряемой под гул критики культа личности Сталина и осуждения сталинских репрессий. Расцвела теневая экономика, поощряемая номенклатурой и прочно с ней связанная. Новая номенклатурная элита в центре, на местах и в национальных окраинах ждала своего часа. Нужен был лишь сигнал сверху. И он последовал в виде горбачевской перестройки. Здесь мы подходим к внешним факторам развала СССР. Убедившись, что в лоб, напрямую Россию не взять (а это показала Великая Отечественная война), наши недруги приступили к долгосрочной и довольно изощренной работе. Их усилия сводились к тому, чтобы идеологически обезоружить советский народ, ради чего была развязана небывалая идеологическая война, созданы группы опоры — «агенты влияния», пущено в ход испытанное средство — «обволакивание власти». Вокруг высших руководителей страны сложились сообщества консультантов — «диссидентов в системе», воплощавших «оазисы мысли». Они умело делали дело, приобщая своих патронов к идеям и ценностям западной социал-демократии. От таких «просветленных» ими правителей до прямых отступников — один лишь шаг. И они вместе с Горбачевым вышли из подполья.

— *Что вы думаете как историк и гражданин о современной России и о ее будущем?*

— Я думаю, что сейчас Россия стоит пока еще на скрещении дорог и перед ней открыто два пути: либо войти в новый мировой порядок и смириться с под-

чиненным положением по отношению к Западу, либо развернуться в сторону своей национальной самобытности и вновь стать великой страной.

— *А может быть, нам удастся войти в этот новый мировой порядок, но не на условиях подчинения, а в качестве одного из его лидеров? В качестве страны, формирующей этот порядок?*

— По-моему, вопрос так не стоит. Современная российская элита больше озабочена своим положением среди мировой элиты, чем судьбой России. Но, как писал поэт, «напрасны ваши совершенства». Избранные из избранных входят в состав «мирового правительства». Новичкам в него двери закрыты. В лучшем случае они могут надеяться на место при вратах. Похоже, наши правители постепенно понимают это. А подчиненную роль они не хотят играть. И это — правильно, ибо за ними великая, хотя временно и ослабленная, держава. Если они поймут все это в полной мере и окончательно, то тогда неизбежен разворот в сторону наших национальных традиций и самобытности, в сторону национальных интересов нашей страны.

— *Согласны ли вы с тем, что в современной России существует нерешенный русский вопрос, и если да, то в чем он состоит и каковы пути его решения?*

— Да, согласен. Русский народ — это первенствующий, государствообразующий народ нашей страны, и именно он больше всего пострадал в годы распада Советского Союза и последующих реформ.

— *Но, кажется, наши власти это все постепенно осознают: и (если вернуться к предыдущему вопросу) то, что их не примут на равных в «мировое правительство», и, как следствие, что необходимо заботиться о своей стране и своем народе?*

— Как я уже сказал, пока они этого еще до конца не осознали, а время идет: народ постепенно вымирает, нация угасает, и если так пойдет дальше, то скоро мы не сможем удержать все те территории, которые занимаем.

— *Но ведь сейчас правительство, кажется, поняло это и принимает меры. Есть же демографическая программа, материнский капитал и т.д.?*

— Этого совершенно недостаточно. Необходимо принимать гораздо более серьезные меры.

Беседу вел Максим ЖИХ.